

А. П. Борисов — друг А. Я. Яшина

31 марта 1973 года в нашей газете было опубликовано письмо учителя-пенсионера из Вохмы Авенира Петровича Борисова. В письме под названием «Юность поэта», автор поделился своими воспоминаниями о студенческих годах в Никольском педтехникуме. Меня заинтересовало это письмо, и я познакомился с Борисовым сначала заочно, а позднее были встречи с ним в Вологде. (Авенир Петрович в зимнее время жил в Вологде, у дочери, а летом — в Вохме).

Сожалею, что переписка устала новилась лишь через 6 лет. Первое письмо Авенир Петрович написал 17 декабря 1979 года, а последнее — 4 апреля 1988 года. Но и за этот, сравнительно короткий, период я получил более полусотни писем. В нашей переписке основными темами были не только «яшинские», но и общественно-политические, и школьные, и литературные.

Вот выписка из первого письма: «Уважаемый Алексей Александрович! Получил Ваше письмо, на которое отвечаю с некоторым запозданием, так как хотел более подробно узнать о судьбе Александра Степановича Куваева. Вот что могу Вам сообщить. Я поступил в Никольский педтехникум в августе 1928 года. Нас было две группы («а» и «б»). Яшин был в группе «б», в которой, в основном, учились из города Никольска и Никольского района. Иногородние (Вохма, К-Городок...), составляли группу «а». Так мы учились три года, до выпуска. А Яшин первый курс повторял дважды — из-за болезни. В 1931 году нас выпустили на работу по всему северному краю. Я попал в Архангельск, областной центр. Яшин, по-моему, был направлен в Вожегодский район. Но в начальной школе он не работал, а уехал на курсы литераторов при Вологодском пединституте, а после их окончания — в Архангельск, в редакцию га-

зеты «Северный комсомолец». Я встретился с ним после двух лет работы в Вологде, когда был на курсах учителей истории. Осени 1933 года до лета 1934 мы встречались часто. В Вологде он приезжал постоянно, заходил ко мне в институт, а потом шёл к нему в гостиницу.

В 1934 году вышла его первая книга стихов «Песни Севера». Печаталась она в Вологде.

Александр Степанович Куваев окончил Никольский педтехникум в 1929 году. Мы были на первом курсе, а он — на четвертом. Ясно, что первокурсники знали всех, кто учился на старших курсах. Да и всего-то в техникуме было чуть-чуть больше ста человек. Знали друг друга почти все. По-моему, Куваев А. С. — из Никольского района, хотя точно не знаю. Что о нем можно сказать? Уже в 1929 году он был взрослым парнем лет двадцати двух. Широкоплечий, ладно скроенный, статный, с умным лицом. В его лице проглядывалось что-то монгольское. Глаза жгучие, но спрятанные, а не открытые. Крепкая голова с короткой стрижкой. Он дружил с Яшиным, хотя я не замечал у него увлечения поэзией. Мне казалось, что Куваев был больше начитанным в марксизме. Из своих сокурсников друзей у него не было, а что так близко связывало его с Яшиным, до сих пор не знаю. Наверное, резкая противоположность друг другу. «Они сошлись: вода и пламень, стихи и проза, лед и пламень...», т. е. как Онегин с Ленским. Куваев был резковат в суждениях, знал жизнь больше нас, и это, наверное, привлекло к нему Яшина. Сам Яшин имел друзей мало. Заходил к нам в комнату, где мог найти отдых, чай, прочесть что-нибудь. Мы жили коммунально: 6 человек из Вохмы. Занимали большой дом (угловой на улице Красной). Кроме трех комнат, в летнее время у нас был еще сеновал. Вместе готовили

поесть, у нас можно было найти любые стихи любого поэта.

У меня было несколько писем Яшина, когда он был на педпрактике в Зеленцове; к сожалению, они все были потеряны. Послевоенные встречи с ним в Москве, в Доме литераторов были грустными.

А. С. Куваев работал в Вохме, а перед войной был переведен в Лавинский район учителем истории. Знаю, что в Вохме он женился и было у них двое или трое детей. Где жена и дети, я не знаю. В Никольске должны быть наши однокурсники, главным образом, из девочек. Постарайтесь связаться с ними. В одно время Никольским РОНО заведовал Rogozin Саша. Он всех знает».

Об отношениях Александра Куваева и Александра Попова — в другой раз. Теперь о Борисове и Яшине. Весной 1980 года я послал официальное приглашение Авениру Петровичу на праздник 200-летия Никольска и совмещенную с этим праздником встречу друзей и почитателей Яшина. Авенир Петрович собирался приехать на эти торжества, но помешала дождливая погода. Я послал ему газетные материалы с описанием торжеств и встреч. Авенир Петрович ответил. Письмо заслуживает того, чтобы дать его полностью. «Уважаемый Алексей Александрович! Большое спасибо Вам за письма и газеты, которые я получил. Вы угадали причину моего отсутствия на праздник. Шли непрерывные ливни, самолеты не летали, а путь через Павино мог быть только на попутке, что уже не для моего возраста. Удовлетворяю Вашу просьбу: рассказать о встрече с Яшиным в 1956 году. В альманахе «Литературная Москва» был напечатан рассказ Яшина «Рычаги». Был я в то время в Москве, останавливался у друзей на Петровском бульваре. И в первый же вечер прочел этот рассказ, который Москва встре-

тила с восторгом; наконец-то появилось что-то правдивое!

На второй день пошел на квартиру Яшина в Лаврушенский переулок. Но Яшин был на пленуме Союза писателей. Я нашел его в Центральном Доме литераторов на улице Воровского. В перерыве встретились за столиком в буфете. Первый его вопрос был о том, читал ли я «Рычаги»? Я ответил, что прочел вчера вечером и считаю рассказ правдивым и талантливо написанным. Яшин обрадовался моей оценке, а потом с грустью заметил: «Меня же за него сейчас прорабатывают! И знаешь кто? Все эти лакировщики.» Я пытался его успокоить, как мог, но это мало помогло рассеять его мрачное настроение.

...Через два дня в «Литературке» была погромная статья Анатолия Софронова в духе зубодробительной критики, где «Рычаги» подвергались всеобщему осмеянию. Это у нас делать могут, и мастеров на это дело — хоть отбавляй. В те годы официальная критика превозносила Бабаевского, автора «Кавалера Золотой Звезды», и других лакировщиков. Те, кто могли поддержать Яшина, составляли меньшинство, а кто помогали топить, составляли тьмы и тьмы. Как в свое время был утоплен Борис Пастернак, хотели тогда же утопить Дудинцева. Много лет топили Михаила Булгакова, но он был хорошим пловцом. И сильным. Однажды Маркс заметил, что поэты нуждаются в ласке. Семья Маркса дружила с Гейне, жизнь которого была не сладкой. Яшин тоже мало видел ласки, больше получал пощечины, а иногда и очень сильные. Он попросил меня рассказать о себе, а у меня была еще более глубокая трагедия. В 1937 году арестовали как «врага народа», дали 10 лет и отправили на строительство железной дороги «Котлас—Воркута». Год тюрьмы и этапов и восемь с половиной лет работ в жутких ус-

ловиях Заполярья... Когда оставалось полгода до окончания срока, Верховный Суд СССР пересмотрел дело и полностью отменил приговор за недоказанностью обвинения. Путешествие по аду продолжалось 9 лет, 5 месяцев и три дня.

Если Данте в своей «Божественной комедии» описывает девять кругов путешествия по аду, то я их прошел все... А за что? Обвинили меня в том, что на одном занятии по философии привел слова Ленина о Сталине в известном теперь документе «Письмо съезду». В те годы эта ленинская работа была спрятана от людей.. У меня же эта работа была, так как мой дядя был членом партии с 1918 года и имел хорошую библиотеку.

На Яшина мое открытие произвело жуткое впечатление. Он нахмурился и молчал... Что он думал — не знаю... Перерыв закончился, и мы простились. Последние его слова были: «Передай привет всем нашим!» После этого он скрылся за массивной дверью ЦДЛ.

Назавтра я уехал из Москвы, а через два года позвонил ему на квартиру, и дочь сообщила, что он в онкологическом институте. В то, тяжелое для Яшина, время К. Паустовский подарил ему книгу с автографом «Мужественному человеку». Эту книгу я видел в Вологодском музее.

Можно бы написать целую повесть о нашей молодости в Никольске, но не знаю, хватит ли времени, сил и терпения. Весь 20-й век — сумасшедший, а для нас он еще и трагичный. Александр Блок это предвидел в своем «Возмездии», когда писал, что «еще мрачнее и ужасней тень Люцифера крыла».

Будьте здоровы и благополучны. Повторяю Вам совет Горького о том, чтобы Вы «побольше читали, поменьше верили!»

С уважением, А. Борисов.
Я следую этим советам, забывший Авенир Петрович.

А. ПАВЛОВ.